

УДК 81'44: 81:1

А. Н. Куклин*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ И ФУЗИОННОГО ЯЗЫКОВ В ОТОБРАЖЕНИИ ЛИНГВОКАРТИНЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена анализу грамматического строя агглютинативных (марийского, татарского и чувашского) и фузионного (русского) языков народов Урало-Поволжья в контексте типологических признаков с учетом их дифференцирующих и интегрирующих факторов. В качестве рабочих «точек отсчета» приняты марийские формы в сопоставлении с русскими и татарскими в сопровождении русских переводов тех и других, например, способы словообразования татарского и марийского языков: татар. *елгаларыбызда* (в наших реках), где *елга* (река) – основа существительного, *лар* – аффикс множественного числа, *ыбыз* – суффикс притяжательности, *да* – словоизменяемый аффикс; марийское *имнешкылатлан* 'твоим всадникам', буквально *лошадь* + **обладающий** + **много** + **твой** + **им**. Как явствуют примеры, при агглютинации целое (грамматически оформленное слово не представляет собой сочетаний таких двучленов (биномов) из производящей основы и формообразующего элемента, а именно является цепочкой самостоятельных, сохраняющих всегда свою значимость морфем. Вместе с тем сочтено целесообразным включить в композицию статьи такие участки, в которых марийский языковой материал транспозируется с чувашским при сохранении прежних условий для подачи иллюстраций. Суффиксы в марийском языке обычно предшествуют суффиксу множественного числа, например, *Марий Элын ончыл енже-влак* 'передовые люди Марий Эл'. В слове *енже-влак ен* – корневая морфема, *же* – суффикс притяжательности, *влак* – показатель множественного числа. Аналогичное явление наблюдается и в чувашском языке, ср.: капитал *сёршивёсенче* 'в странах капитала'. В слове *сёршивёсенче сёршив* 'страна' – корневая морфема, *сен* – притяжательный суффикс, *че* – показатель множественности. Контрастивный анализ языковых черт марийского, татарского и русского языков проводится на уровне синхронии с экскурсами на характеристику диахронических ареальных языковых явлений.

Ключевые слова: сопоставительный анализ языковых особенностей фузионного и агглютинативных языков; марийско-татарские языковые взаимосвязи; процессы опрощения (интеграции) и переразложения (перинтеграции)

Особенно хорошо идея о роли грамматического строя в отображении языковой картины мира была выражена в известной работе Б. А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (М.: Наука, 1988. 242 с.), где он справедливо отмечает, что «исследовать роль грамматического строя в создании языковой картины мира – значит определить, что выражают грамматические формативы и какое отношение это выражение имеет к созданию языковой картины мира» [12, с. 5]. Руководствуясь этими соображениями, можно заметить, что языки народов полиэтнического Урало-Поволжья по устойчивым и характерным для каждого из них признакам в морфологическом строении слова составляют два противоположных друг другу объединения: фузионный (от лат. *fusio* – сплавление), или флективный, флектирующий < лат. *flexio* – сгибание),

и агглютинативные языки (лат. *agglutinatio* – приклеивание).

При фузии благодаря тесной спайки морфем в одно целое аффиксы «затухают», «стираются», вследствие чего они могут повторяться в составе того же слова, например, от непроизводной основы прилагательного [зл-] можно образовать присоединением суффикса [-ост'] существительное *злость* (состоящее из производящей основы прилагательного [зл-], суффикса [ост'] и нулевой флексии; от основы [злост'-] присоединением суффикса [-н-] образуется прилагательное *злостный*, от основы которого [злостн-] можно опять образовать существительное посредством уже употребленного ранее суффикса [-ост-] – *злостность* → *злостностный* → *злостностность*.

В фузионном слове, как отмечает Н. Б. Мечковская, границы между морфемами неотчетливы,

они как бы сплелись: иногда они проходят внутри звука (например, в слове *стричь* в звуке [ч] слились последний звук корня *стригу* и первый согласный инфинитивного показателя *-ти*). Для фузионного слова, как далее уточняет Н. Б. Мечковская, характерно то, что служебные морфемы одновременно выражают несколько грамматических значений (например, в слове *стена* флексия *-а* имеет три значения: женский род, именительный падеж, единственное число) [6, с. 73].

При агглютинации целое (грамматически оформленное слово не представляет собой сочетаний таких двучленов (биномов) из производящей основы и формообразующего элемента, а именно является цепочкой самостоятельных, сохраняющих всегда свою значимость морфем, например, марийское *имнешкылатлан* ‘твоим всадником’, буквально *лошадь* + **обладающий** + **много** + **твой** + **им**. Ср. также татарскую лексему *елгала-рыбызда* (в наших реках), где *елга* (река) – основа существительного, *лар* – аффикс множественного числа, *ыбыз* – суффикс притяжательности, *да* – словоизменяемый аффикс.

Характеризуя агглютинацию, Н. Б. Мечковская утверждает, что в агглютинативных языках все морфемы обладают большей психологической реальностью для говорящих: они лучше вычленяются, точнее семантизируются и живут в сознании говорящих в большей мере как бы сами по себе (в то время как в фузионных языках даже корневые морфемы не всегда осознаются говорящими, а некоторые из них неотделимы от аффиксов, ср., например, *принять*, *взять*) [6, с. 73–74].

Представителем фузионного языка является русский, а к агглютинативным языкам относятся финно-угорские (марийский, мордовские, коми и удмуртский), тюркские (башкирский, татарский и чувашский).

Перечисляя характерные черты указанных типов языков, Н. Б. Мечковская отмечает, что агглютинативные языки по своему грамматическому строю более устойчивы, чем фузионные. Это, по ее мнению, связано с тем, что для агглютинативного слова с его однозначными и стандартными по форме аффиксами, не характерны процессы опрощения и переразложения [6, с. 74]. Ср., русские примеры опрощения (интеграции): *булыжник* (ср. *булыга* – ‘глыба, валун’), *смородина* (ср. *смород* – ‘сильный запах, вонь, смрад’), *богатый* (ср. *богъ* – ‘богатство, благосостояние’), *лукавый* (ср. *лука* – ‘хитрость, коварство’), *смирный* (ср. *смиръ* – ‘мир, тишина’) [8, с. 82].

При опрощении слов со сложным морфологическим составом утрачивается членимость на морфемы и воспринимается как неразложимое, ср., например, этимологический состав слова *внезапный*: *в/не/зап/н/ый*; образовано от *запа* – ‘ожидание’ [11, с. 111].

Переразложение (переинтеграция) – это изменение границ между морфемами на разных этапах развития языка. В русском языке примером переразложения является переход тематических гласных в окончания. Так, тематические гласные *-е-* и *-и-* первоначально относились к основе глагола, ср., например, первоначальный облик глаголов *вед/е/иш*, *вед/е/ть*, *кур/и/шь*, *кур/и/те*. В современном русском языке эти слова членятся так: *вед/е/шь*, *вед/ет*, *кур/и/ш*, *кур/и/те* [8, с. 113].

Нельзя согласиться с Н. Б. Мечковской что для агглютинативного слова не характерны процессы опрощения и переразложения. На самом деле в марийском языке в разные периоды истории его развития происходили и опрощения, и переразложения. Ср., например, слова *волгенче* ‘молния’, *шаргенче* ‘гнида’, *регенче* ‘мох’, в которых раньше выделяли суффикс *-енче* [1, с. 16–17], в настоящее время они не делятся на морфемы. Потеря членимости на отдельные значимые части связана с утратой словом прежних смысловых связей, т. е. одно из мотивированного названия предмета или явления объективной действительности стало немотивированным. В современном марийском языке слово *волгенче* обозначает *молнию*. В настоящее время, характеризуя его как непроедную основу, нельзя сказать, почему это природное явление так названо, хотя ранее признак, положенный в его основу был совершенно ясным и определенным, ср. *волгаш* ‘блестеть, сверкать, сиять’.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что оппозиций типа *шарг-енче*, *рег-енче*, *волг-енче* в настоящее время являются неживыми, так как между их членами утрачена непосредственная и регулярная смысловая связь. Однако выяснить причину ее утраты весьма трудно. Как известно, уже Ф. Ф. Фортунатову принадлежит весьма созвучная идеям современности трактовка о поисках причины языковых изменений. «Наука, – подчеркивает он, – не довольствуется определением и обобщением фактов, наука стремится узнать причину и связи явлений» [14].

Нетрудно увидеть, что реализация именно такого подхода составляет необходимое условие выполнения корректных реконструкций отдельных

явлений, а также правильного понимания реальной картины словообразования.

Перемещение границ между производящей основой и словообразующим аффиксом является другой разновидностью исторического изменения словообразовательной структуры слова, называемого переразложением, или переинтеграцией.

При этом процессе слова сохраняют имеющиеся в них звуки, но границы между их морфемами изменяются:

**tole-k-se* → *тол-еш* ‘(пр)идет’,

**tole-me* → *тол-ам* ‘(пр)иду’,

**tole-te* → *тол-ат* ‘(пр)идешь’,

**kanta-* (-) → *конд-а* ‘принесет’,

**kanta-ma* → *конд-ена* ‘принесем’,

**kanta-ta* → *конд-еда* ‘принесете’ [5, с. 101].

Если прибегнуть к формулировке А. В. Дудникова, то можно сказать, что опрощение основы служит одним из источников обогащения словообразовательной системы языка новыми корневыми морфемами, а переразложение основы способствует появлению новых словообразовательных аффиксов, что также повышает эффективность словообразовательных процессов в языке [3, с. 180].

Как представители номинативной типологии, финно-угорские и тюркские языки Урало-Повольжья имеют ряд общих черт, поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими сходствами или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из общих или подобных черт. Так, фонологическая природа сингармонизма финно-угорских и тюркских языков принципиально одинакова, различия усматриваются лишь в том, по какому вокалическому признаку он проводится. Широко распространенной в них является палатальная гармония гласных – прогрессивная нейтрализация вокалических оппозиций как средство связи служебных морфем с корневой.

Русский относится к языкам с минимальным числом гласных фонем. Следовательно, ему характерно и минимальное число вокалических оппозиций, и широкая распространенность вариативности гласных. Так, русская гласная <a> может варьироваться от заднего до переднего ряда по причине отсутствия оппозиции «передний – задний ряд». Поэтому русскому языку не свойственна гармония гласных, но он имеет категорию рода, являющуюся пережиточной «палеонтологической» категорией, уходящей своими корнями в особенности древнего мифологического мышления [16, с. 418].

В отличие от русского языка с именами существительными марийского языка могут употребляться притяжательные суффиксы, указывающие на лицо или другой предмет, которому принадлежит или частью которого является данный предмет [10, с. 55–56]. Притяжательные суффиксы в марийском языке обычно предшествуют суффиксу множественного числа, например, *Марий Элын ончыл енже-влак* ‘передовые люди Марий Эл’. В слове *енже-влак* *ен* – корневая морфема, *же* – суффикс притяжательности, *влак* – показатель множественного числа.

Аналогичное явление наблюдается и в чувашском языке, ср.: капитал *çĕршиывĕсенче* ‘в странах капитала’. В слове *çĕршиывĕсенче* *çĕршиыв* ‘страна’ – корневая морфема, *сен* – притяжательный суффикс, *че* – показатель множественности.

В этом случае сказалось влияние марийского языка, ибо во всех тюркских языках притяжательные суффиксы располагаются после показателя множественности, ср. татарское *Идел яр – лар-ы* ‘берега Волги’, турецкое *Türkiye şehir-ler-i* ‘города Турции’ [9, с. 225]. Однако под влиянием татарских моделей в марийском языке возникли варианты, где притяжательные суффиксы фигурируют после показателя множественности, ср.: *пеледыш-влаке-ем* ‘мои цветы’, *книга-шамыч-ем* ‘мои книги’.

Что касается марийско-татарских языковых взаимосвязей, то влияние татарского языка прослеживается на всех уровнях языковой структуры восточномарийских диалектов. Особенно четко оно проявляется в их лексической системе и словесной акцентуации. Так, в красноуфимском говоре, в отличие от основных диалектов лугового и отдельных говоров восточного наречия, отмечается некоторое своеобразие в постановке словесного ударения. В изолированно взятых лексемах при произношении их с перечислительной или же назывной интонацией ударение, как правило, падает на последний слог. Это характерно словам не только заимствованной, но и исконно марийской лексики: *потала* ‘колокольчик на шею коровы’ < рус. обл. *ботало*, *кайз’онка* ‘лежанка’ < рус. обл. *казёнка* ‘служащий приступом для лазу на печь и лежанкою, когда печь накалена’ [2, с. 71], *кўпчўк* ‘подушка’ < тат. *кўпчек* ‘думка’, ‘маленькая подушечка’, *пўтўн* ‘весь, целиком’ < тат. *бөтен* ‘целый, цельный’; ср. собственно марийские слова: *понго* ‘гриб’, *корно* ‘дорога’.

В потоке речи наблюдается колебание в постановке ударения. Одно и то же слово может употребляться с разноместными ударениями: либо

сохраняет его на первом или на одном из срединных слогов, либо испытывает сильную тенденцию к переносу ударения на последний слог, например: *д'о-лко // д'олко* 'лентяй', *ну-гудо // нугудо* 'густой', *о-жо // ожо* 'жеребец'. Ср. словесное ударение в соответствующих лексемах лугового наречия: *йо-го, ну-гыдо, о-жо*.

Перемещение ударения на конечный слог нельзя объяснить чисто фонетическими причинами, так как оно не относится к общим закономерностям марийского языка, хотя аналогичное явление свойственно также живой речи бирских и уфимских мари, находящихся под интенсивным влиянием тюркоязычных соседей. Поэтому следует считать вполне естественным, что воздействие татарского и башкирского языков, где ударение всегда падает на последний слог слова [4, с. 4; 13, с. 99; 15, с. 114–115], отразилось и на характере словесной акцентуации в большинстве восточномарийских говоров.

В настоящем контексте целесообразно привести следующее высказывание Н. Б. Мечковской: «В условиях длительных языковых контактов и массового индивидуального дву- или многоязычия в разных ареалах складываются языковые союзы – географические общности языков, разбивших ряд существенных сходных черт в результате длительной конвергенции» [7, с. 146]. Далее она уточняет, что кроме Балканского языкового союза, выделяют еще несколько крупных ареальных общностей неродственных групп языков: 1) *Поволжский (Волго-Камский)* союз, в который входят финно-угорские языки (марийский, удмуртский) и тюркские (башкирский, татарский, чувашский); 2) *Центрально-Азиатский (Гималайский)* союз, объединяющий языки Центральной Азии различных семей и групп: иранской, индоарийской, дравидийской, тибетско-китайской [7, с. 146].

В заключение следует подчеркнуть, что объективная оценка многих языковых фактов будет зависеть от того, насколько последовательно в ней будут реализованы принципы системности в подходе к языковому материалу, настолько точно

будут определены системообразующие факторы и интегрирующие свойства языковой системы.

1. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Ч. 2. 168 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2: И – О. 779 с.
3. Дудников А. В. Современный русский язык: учебник для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. М.: Высш. шк., 1990. 424 с.
4. Закиев М. З. Татарская грамматика. Синтаксис. Казань, 1995. Т. 3. 576 с.
5. Лаврентьев Г. И. Состав слова и словообразование в современном марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 192 с.
6. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учебное пособие для студентов филол. и лингвистических специальностей. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 312 с.
7. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.
8. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.
9. Общее языкознание. Формы существования, функции, истории языка / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М.: Наука, 1970. 604 с.
10. Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. Ч. 1. 176 с.
11. Потиха З. А. Современное русское словообразование: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1970. 384 с.
12. Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
13. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969. 380 с.
14. Фортунатов Ф. Ф. Архив АН СССР. Ленинград, ф. 90.
15. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, Ленинград. отделен., 1970. 204 с.
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Больш. Российск. энциклопед., 1998. 685 с.: ил.

Статья поступила в редакцию 28.02.2016 г.

Для цитирования: Куклин А. Н. Грамматический строй агглютинативных и фузионного языков в отображении лингвокартины полиэтнического Урало-Поволжья // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 83–87.

Об авторе

Куклин Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, markaff@marsu.ru

A. N. Kuklin*Mari State University, Yoshkar-Ola***GRAMMATICAL SYSTEM OF AGGLUTINATIVE AND FUSIONAL LANGUAGES: REPRESENTATION OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD IN THE POLYETHNIC URALS-VOLGA REGION**

The article is devoted to the analysis of the grammatical system of the agglutinative (Mari, Tatar and Chuvash) languages and the fusional language (Russian) of the peoples living in the Urals-Volga region in the context of typological features and taking into account their differentiative and integrating factors. The Mari forms in comparison with the Russian and Tatar ones given together with the Russian translation for both Mari and Tatar have been taken as reference points. In addition, it has been considered appropriate to include into the article composition such areas where the Mari language material transpositions with the Chuvash one while saving the same conditions for their illustrations. The comparative analysis of the linguistic features of the Mari, Tatar and Russian languages is performed at the synchronic level together with the excursions into the characteristics of diachronic areal language phenomena.

Keywords: comparative analysis of the linguistic phenomena of the fusional and agglutinative languages, Mari-Tatar linguistic relations; processes of changing of the word morphemic structure (integration) and deglutination (over-integration)

1. Galkin I. S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija [Historical grammar of the Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1966, Ch. 2, 168 p.
2. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Rus. jaz., 1981, t. 2: I – O, 779 p.
3. Dudnikov A. V. Sovremennij russkij jazyk [Modern Russian language]: uchebnyj dlja filol. spec. vuzov sojuznyh i avt. resp. M.: Vyssh. shk., 1990, 424 p.
4. Zakiev M. Z. Tatarskaja grammatika. Sintaksis [Tatar grammar. Syntax]. Kazan', 1995, t. 3, 576 p.
5. Lavrent'ev G. I. Sostav slova i slovoobrazovanie v sovremennom marijskom jazyke [The composition of speech and word formation in modern Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1984, 192 p.
6. Mechkovskaja N. B. Obshee jazykoznanie. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov [General Linguistics. Structural and social typology of languages]: uchebnoe posobie dlja studentov filol. i lingvisticheskikh special'nostej. 6-e izd., M.: Flinta: Nauka, 2008, 312 p.
7. Mechkovskaja N. B. Istorija jazyka i istorija kommunikacii: ot klinopisi do Interneta [The history of language and the history of communication: from cuneiform to the Internet]: kurs lekcij po obshhemu jazykoznaniju. M.: Flinta: Nauka, 2009, 584 p.
8. Nemchenko V. N. Sovremennij russkij jazyk. Slovoobrazovanie [Modern Russian language. Word-formation]: uchebnoe posobie dlja filol. spec. un-tov. M.: Vyssh. shk., 1984, 255 p.
9. Obshee jazykoznanie. Formy sushhestvovanija, funkcii, istorii jazyka [Forms of existence, functions, history of the language], otv. red. B. A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1970, 604 p.
10. Pengitov N. T. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Vvedenie, fonetika, morfologija [Comparative grammar of the Russian and the Mari languages. Introduction, phonetics, morphology]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1958, ch. 1, 176 p.
11. Potiha Z. A. Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie [Modern Russian word-formation]: posobie dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 1970, 384 p.
12. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i myshlenie [The role of the human factor in language. Language and Thought]. M.: Nauka, 1988, 242 p.
13. Sovremennij tatarskij literaturnyj jazyk. Leksikologija, fonetika, morfologija [Modern Tatar literary language. Lexicology, phonetics, morphology]. M.: Nauka, 1969, 380 p.
14. Fortunatov F. F. Arhiv AN SSSR [Archive of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, f. 90.
15. Shherbak A. M. Sravnitel'naja fonetika tjurkskih jazykov [Comparative phonetics of Turkic languages]. L.: Nauka, Leningrad. otdelen., 1970, 204 p.
16. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Great encyclopedic dictionary], gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd., M.: Bol'sh. Rossijsk. jencikloped., 1998, 685 s.: il.

Submitted 28.02.2016.

Citation for an article: Kuklin A. N. Grammatical system of agglutinative and fusional languages: representation of the linguistic view of the world in the polyethnic Urals-Volga region. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 2 (22), pp. 83–87.

About the autor

Kuklin Anatolii Nikolaevich, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, markaf@marsu.ru